

Раздел VI.

**ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО**

УДК 94(47).084.8-054.65

В. А. Иванов, Н. В. Колошинская

**«МЫ» И «ОНИ» В ЛАГЕРЕ 157 ДЛЯ НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОПЫТ НЕКОТОРОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПОРТРЕТИРОВАНИЯ (1944–1947 гг.)**

Ещё в ходе Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области в соответствии с постановлениями ГКО СССР и приказами НКВД СССР 1944 г. были созданы первые четыре лагерных управления №№ 213, 254, 300 и 157. Всего же к концу октября 1945 г. в Ленинграде и области действовало 10 лагерей для военнопленных, 80 лагерных отделений для них и 6 рабочих батальонов из числа интернированных из Германии граждан с общим наполнением контингента свыше 66 тыс. чел. [1, с. 100]. Эти лагеря, лаготделения и ОРБ входили в созданную в стране централизованную систему УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР и предназначались для быстреего восстановления промышленных предприятий и жилищного фонда Ленинграда и области [2, с. 12–13].

Свое начало Управление лагеря для военнопленных (УЛВП) № 157 берет с осени 1943 г., когда по приказу НКВД СССР № 001575 от 26 сентября 1943 г. для обслуживания армейских приемных пунктов в полосе Ленфронта был организован Сборный пункт военнопленных (СПВ) № 1 в г. Ленинграде. Его начальником стал майор В.Я. Смоляков [3, л. 27]. Уже через несколько месяцев СПВ № 1 получил статус фронтового приемно-

пересыльного лагеря (ППЛ), руководителем которого до апреля 1944 г. был майор Н.А. Песков. Ещё до приказа НКВД СССР № 00900 от 23 августа 1944 г. о создании в пос. Бокситогорске Тихвинского района Ленинградской области УЛВП № 157 в начале августа фронтовой ППЛ из полевого и подвижного лагеря переходил на стационарный режим работы (по штату № 26) [4, л. 206, с. 383]. Начальником Бокситогорского лагеря для военнопленных назначался майор А.М. Юшманов. К лету 1945 г. в лагере насчитывалось почти 6 тыс. чел. В июне 1946 г. общая наполняемость УЛВП № 157 составляла 7200 немецких и венгерских военнопленных [5, 383].

Всего за время существования лагеря и его отделений через них прошло около 11,5 тыс. пленников [5, 383]. В июле 1947 г. деятельность УЛВП № 157 была свернута, а его управление расформировано. Действующие к этому времени четыре лагерных отделения ликвидировались, в том числе лаготделение № 5 при леспромхозе (пос. Верхне-Вольск), в составе которого все эти годы находилось «штрафное» подразделение (рота), а лаготделение № 3 (Волхов-2 (ОСМЧ Севзападалюминстроя) было передано по приказу МВД СССР № 00748 от 18 июля 1947 г. в состав лагеря № 213 [6, с. 22].

Анализ архивных материалов показал, что общее положение военнопленных, находящихся в лагере 157 было крайне тяжелым даже по сравнению с другими лагерями и лаготделениями, расположенными на территории Ленинградской области. Особенно болезненно сказался на них приказ руководства УПВИ УНКВД СССР по Ленобласти о полном переводе во второй половине 1945 г. всех лагерных подразделений на самокупаемость и покрытие всех расходов по содержанию контингента. Таким образом, лагерь или лаготделение могли рассчитывать только на собственные возможности и ресурсы. Перевод на полную самокупаемость осуществлялся уже с начала 1945 г. в форме «эксперимента» и в других лагерных подразделениях УПВИ УНКВД ЛО. Для некоторых из них он оказался «под силу», но для большинства временные его успехи обернулись тяжелыми последствиями и заметным увеличением нетрудоспособных групп военнопленных.

К числу таких подразделений можно было отнести и лагерь 157. Там, за первое полугодие 1945 г. валовая сумма заработка военнопленными к фактическим расходам по их содержанию составила 26,3% [7, л. 195]. То есть, самокупаемость лагеря не превышала и 30%, что по сути обрекало

всю эту затею на неудачу, а военнопленных на дополнительные лишения. В летние месяцы правда удалось заметно повысить этот процент самоокупаемости, а в августе 1945 г. даже довести его до 103% и покрыть все расходы, но для некоторых лаготделений такая гонка не прошла бесследно. Так, в погоне за показателями в лаготделении № 3 (цементный завод п. Пикалево) начальник ст. лейтенант Л.С. Вильгельм, инспектор по труду лейтенант В.А. Будылин и другие сотрудники буквально «загнали» работающих пленников. За период с 1 июля по 15 августа 1945 г. из физически здоровых военнопленных I и II групп из строя было выведено 485 чел. и переведены в оздоровительные команды (ОК) и лазарет [7, л. 196]. В феврале 1946 г. в лаготделении № 2 в стационар ежедневно приносили с работы нескольких военнопленных уже в бессознательном состоянии, где они через 24 часа умирали [8, л. 67].

Нередко причиной резкого ухудшения физического состояния военнопленных становились халатность и преступное поведение сотрудников лаготделений, призванных следить за соблюдением всех предписаний в отношении содержания контингента. История лагеря 157 начиналась с того, что еще в марте 1944 г. убывший из Ленинграда (из СПВ № 1. – Авт.) этап 500 чел. для оборудования лагерных помещений на территории области несколько дней не кормили горячей пищей вообще. Как выяснилось позже, продукты были полностью присвоены конвойной командой и съедены ею [3, л. 61, 61 об.]. Не случайно часть военнопленных не желая работать голодными и больными совершала умышленные членовредительства, о чем задолго до их массового проявления предупреждал начальник УПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант И.А. Петров в своем указании № 28/4/4583 от 28 февраля 1944 г. «О борьбе с членовредительством среди военнопленных» [9, с. 576–578]. Правда в документе подробно излагались виды и способы членовредительства, но ничего не говорилось о причинах их совершения.

В лагере 157 периодически совершались хищения лагерного имущества, продуктов питания, кражи личных вещей, принадлежащих пленным и др. Так, в ночь с 21 на 22 августа 1945 г. со склада лаготделения № 4 было похищено 21 кг консервов мясных и почти полкило курительного табака на общую сумму 508 руб. Начальник лагеря А.М. Юшманов приказал взыскать ущерб с вахтеров Голендухина и Конисова в 12-ти кратном разме-

ре (свыше 6 тыс. руб. – *авт.*) [8, л. 3]. В январе 1946 г. при инвентаризации вещевого имущества этого же отделения обнаружилась недостача 2-х пар валенок, более 220 наволочек для подушек и других вещей на сумму свыше 2 тыс. руб. [8, л. 30]. В марте 1946 г. по всем лаготделениям было похищено около 200 тюфячных наволочек на сумму почти 4,5 тыс. руб. из которых военнопленные как правило шили себе одежду [8, л. 68].

Еще в начале года А.М. Юшманов в одном из своих приказов приводил примеры того как расконвоированные военнопленные практически свободно и массово продают в Тихвине, Капше и Верхне-Вольске лагерное имущество и пьянствуют [8, л. 15]. По каким-то причинам начальник УЛВП № 157 не стал афишировать многочисленные факты обмена военнопленными похищенного лагерного имущества и личных поделок (зажигалки, гребни, ручные часы, ремни и др.) на самые простые продукты питания, а также случаи их отравлений дикорастущими растениями, о чем неоднократно упоминалось в директиве МВД СССР № 118 от 11 мая 1946 г. и приказе МВД СССР № 0168 от 15 июня 1946 г., указаниях ОПВИ УМВД СССР по Ленобласти № 11/2786 от 28 мая 1946 г. и № 11/3307 от 2 июля 1946 г. [8, л. 160].

Не поддерживая соответствующий режим питания военнопленных было невозможно сохранить элементарные факторы их здоровья, а значит увеличить производительность труда и сократить смертность и травматизм. Первые оздоровительные команды в лагере 157 были созданы ещё 8 апреля 1944 г., когда откомандированные из Ленинградского СПВ № 1 для подготовки лаготделений для массового приема контингента, военнопленные фактически перестали выполнять плановые задания в силу резкого ухудшения их физического состояния. К тому же, создание ОК регламентировалось соответствующими директивами ОПВИ НКВД СССР № 28/4/5468 от 10 апреля 1943 г. и 28/4/9916 от 17 марта 1944 г. в силу того, что с аналогичными проблемами столкнулись и в других регионах страны. Это не были специальные помещения санитарного типа. Сильно ослабленные военнопленные размещались в тех же бараках, но в отдельном углу. Они не выводились на работы, а для постоянного присмотра за ними прикреплялся медицинский работник. В числе первых «оздоравливающих» оказались К. Петебок, К. Кибан, И. Ренкен, Э. Пюллер, А. Кноль, Г. Пук, Г. Гессе, О. Юнг, К. Кригер и ещё 38 чел. [3, л. 95, 96, 96 об.]. Некоторые из них

скончались через несколько дней.

Часть лагерных подразделений УЛВП № 157 была занята лесозаготовками – по сути крайне тяжелой работой в довольно заболоченной местности в Тихвинском районе Ленобласти. Причем эти заготовки шли и в весенне-осенний период, совершенно непригодный для такого вида деятельности. Специальная комиссия из УНКВД СССР по Ленобласти проверив в апреле 1945 г. работу «лесных» лаготделений лагеря 157 констатировала, что условия жизни в лесу и питание военнопленных абсолютно «не контролируется руководством лагеря». Отмечалось, в частности, что непропечённый, сырой хлеб доставляется в машинах, где ранее перевозился навоз, уголь и шкуры животных. Нательное белье со склада ОВС лагеря было полностью завшивлено и замазано фекальными массами и др. [7, л. 96]. В январе 1946 г. в лаготделениях № 3, 4 и 7 завшивленность военнопленных составляла от 70 до 100% [8, л. 19].

Следовало иметь в виду, что лагерь 157 фактически с зимы 1945 г. пополнялся в основном пленными, прибывающими с юга Восточной Европы (Румыния, Болгария, Венгрия и др.) сильно истрепанными, истощенными, зараженными дизентерией, ослабленными и больными. Если учесть, что так называемый трудовой фонд составляли I, II и III физические группы военнопленных, то к весне 1945 г. в лагере 157 они объединяли лишь около 60% трудоспособных [10, с. 99]. Совсем не случайно из двух спецгоспиталей, создаваемых в июле 1946 г. для нужд УПВИ УМВД СССР по Ленобласти самый «ёмкий» на 1400 коек переводился из Ленинграда в пос. Бокситогорск и разворачивался там на базе лазарета лагеря 157 [10, с. 102]. К тому же наибольшее количество смертных случаев в 1945 г. падало на лагерь 157 и 213 (пос. Сясьстрой) [10, с. 107].

В марте 1945 г. обследовав лаготделения № 2 и 3 и производя тщательный разбор всех недостатков, способствующих резкой потере трудоспособности и даже смертности военнопленных, майор А.М. Юшманов приказывал «Немедленно прекратить смертность в лагерных отделениях путем обеспечения эффективного и полноценного питания военнопленных, обеспечения достаточного тепла в помещениях не ниже 16 градусов, размещения всех больных в лазарете и ослабленных в оздоровительных командах» [7, л. 60 об.] В январе 1946 г. он вынужден был фактически при-

остановить работу лаготделения № 7 на станции Тургош, где хозорган и начальник лагподразделения капитан И.А. Посеринин произвольно увеличили рабочий день контингента и не заботились об основном и дополнительном их питании. В результате пришлось немедленно вывести в Бокситогорск всех больных и отменить всякого рода «нововведения» местных «работодателей» [8, л. 11].

Тяжелейшие условия труда, перебои с питанием, низкое качество медицинского обслуживания и другие причины способствовали нарушению режима содержания военнопленных, их побегам из лагерных отделений и разного рода преступлениям с их участием. Так, в конце июля – начале августа 1946 г. из лаготделения № 5 (пос. Верхне-Вольск) с работы сбежали Р. Курц, Ф. Кюль, Г. Штрек и В. Байгельт [8, л. 213]. Дежурный офицер лаготделения № 3 лейтенант И.И. Попов, вахтеры Н.В. Власенко и П.И. Степочкин сильно избили совершившего побег и задержанного вскоре военнопленного Л. Майер, пытаясь скрыть содеянное [8, л. 215].

В ряде других лагерных отделений военнопленные по сговору с охранниками негласно покидали бараки и какое-то время находились за пределами места их изоляции. Формально такое действие подпадало под состав «побега» и строго наказывалось по действующим тогда нормативам. Но, на практике все складывалось по-другому. Так, при внезапной проверке одного из объектов стройки в г. Волхове был обнаружен побег военнопленных И. Хефле и Г. Баера. Однако охранник из хозоргана А.Г. Некрасов спокойно заявил, что искать их не следует потому, что они «все равно сюда вернуться...» [11, л. 83]. Вскоре так оно и случилось. «Бежавшие» действительно вернулись и были крайне удивлены развернувшимися поисковыми действиями по их поводу. Вахтер лаготделения № 2 И.М. Андреев не бескорыстно выпустил вечером из охраняемой зоны военнопленных И. Бурански, И. Арноди и Ш. Сабоды для просмотра кинофильма и на танцы в клуб Пикалёвского цементного завода, которые около 24-х часов вернулись в свои бараки [11, л. 84].

Задержанных бежавших военнопленных лагеря 157 чаще всего направляли в штрафную роту при лаготделении № 5 в Верхне-Вольске. Старшиной этой роты был назначен немецкий военнопленный Г. Гронберг, по оценке его сослуживцев «контуженный на голову» [8, л. 147]. Питание,

режим работы и отдыха в этой роте резко отличались от штатных подразделений УЛВП № 157 и довольно часто не контролировался вышестоящим начальством. Дело видимо было в том, что в штрафное подразделение действительно направлялись дерзкие и агрессивно настроенные военнопленные, злостные нарушители лагерного режима, психически неуравновешенные типы и т.п. Считалось, что их пребывание там (большая физическая нагрузка, слабое питание, строгий режим и др.) «пообломает» их норы и повадки, обуздает деструктивное поведение.

Предотвративших побег военнопленных часовых конвойных подразделений, вахтеров, других сотрудников и вольнонаемных как правило ждало поощрение, нередко в форме денежного пособия. В архивных фондах отложились материалы из которых видно, что часовые и караульные и без этих «стимулов», как правило, добросовестно, а не редко и рьяно исполняли свои прямые обязанности. Так, например, 10 мая 1946 г. в 8 утра выведя на прополку травы в запретной зоне (КСП лагерного отделения. – Авт.) троих военнопленных дежурный офицер лаготделения забыл предупредить войсковой караул и часовых. Рядовой Федоров, стоявший в это время на посту, обнаружив в запретной зоне нарушителей открыл по ним огонь, тяжело ранив военнопленного венгра И. Нодя [8, л. 112]. Историк М.В. Ходяков прав когда заявляет, что далеко не всегда можно было с уверенностью утверждать о застреленных конвойной командой военнопленных как о «побегушниках» [12, с. 245]. Все это усиливало риск для жизни иностранных граждан во время их пребывания в советском плену.

В то же время следует заметить, что далеко от идеальной, спокойной и сытой была повседневная жизнь и штатных сотрудников лагеря 157. За сравнительно небольшой срок его существования многие их жизненно важные вопросы так и не были разрешены. Без преувеличения можно утверждать, что период 1945–1947 гг. для большинства сотрудников лагеря 157, как и других лагерей системы УПВИ УНКВД-УМВД, был тяжелым во всех отношениях. Так, часть вчерашних армейских офицеров, покинувших свои части, оказалась без достойной работы, а то и без жилья и поддержки. Некоторых «не брали» в силу их непрофессионализма, других по «аттестационным» признакам и т.п. Особенной карьеры в системе ГУПВИ НКВД-МВД сделать было нельзя, так как в профессиональной среде служба в ней

считалась «отстойной» и по рейтингу занимала последнее место после ГУЛАГа и системы УИТЛ и ИТК. В то же время, на её участников распространялись те же положения, условия и льготы, которыми обладали сотрудники НКВД-МВД СССР.

Между тем, проблемных мест в деятельности и повседневной жизни сотрудииков системы УПВИ УНКВД-УМВД по Ленобласти в 1945–1947 гг. оказалось с избытком. Среди них выделялись не только жилищные вопросы, проблемы с трудоустройством жён и школьным обучением детей, трудности с продовольственным обеспечением и медицинским обслуживанием, досугом, языковые проблемы и др. Особенно «донимал» всех «продовольственный вопрос». 1945–1947 годы в системе ленинградского УПВИ можно обоснованно назвать «голодными» для её сотрудников и членов их семей.

Именно продовольственные затруднения толкнули бывшего фронтовика, кладовщика склада лагеря 157 А.Г. Грибанова на присвоение в течение нескольких месяцев более сотни килограммов печёного хлеба. Военный трибунал войск МВД приговорил его в 1946 г. к 5 годам ИТЛ и вошёл в ходатайство перед ПВС СССР о лишении ветерана войны ордена «Отечественная война» II степени и медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» Служба арттехвооружения УПВИ УМВД СССР по Ленобласти ежегодно докладывала руководству УМВД ЛО о незаконном применении отдельными сотрудниками лагерей, в том числе и УЛВП № 157, боевых винтовок при самовольной охоте на лосей и кабанов, а также ручных гранат РГД для глушения рыбы

Когда с 14 мая 1946 г. в самом пос. Бокситогорске началось распределение огородной земли для сотрудников управления лагеря 157 вблизи домов МВД равнодушных не оказалось вообще. Завладеть небольшим участком земли желали даже те сотрудники, кто никогда её не обрабатывал и не вёл дачного хозяйства. Однако такие «наделы» получали только офицеры управления, причем на территории, которую еще предстояло подготовить к сельхозобороту [8, л. 110]. У председателя комиссии младшего лейтенанта И.К. Черненко и членов комиссии М.М. Журавкова и И.А. Алексеева наступили нелегкие времена и они надолго погрязли в конфликтах, склоках и спорах с «обиженными» и «обделенными».

Из архивных материалов видно, что только в 1946 г. с января по середину сентября по Управлению лагеря 157 не было подготовлено и издано

ни одного приказа по заготовке продовольствия к зиме. И это в период крайне неблагоприятного для региона 1946 года (холодное дождливое лето, ранние заморозки. – *Авт.*). Все лето в магазинах лаготделений УЛВП № 157 нельзя было приобрести ни свежих овощей и зелени с колхозных полей, ни тем более фруктов с юга страны. Только 14 сентября 1946 г. был подписан приказ по лагерю 157 о выделении уполномоченных по заготовке овощей в Новгородской и Вологодской областях. И то все это делалось по распоряжению УМВД СССР по Ленобласти № 11/5346 от 10 сентября 1946 г., а не руководства самого лагеря [8, л. 230]. Разумеется, при такой организации заготовки овощей на зиму, в том числе и для потребностей сотрудников лагеря, происходили постоянные срывы и сбои в их закладке и подвозе. В ряде мест (лаготделение № 3 и др.) неорганизованность проявилась в том, что под снегом оказался урожай на полях самих подсобных хозяйств лаготделений, хотя УМВД СССР по Ленобласти еще в середине сентября 1946 г. распространило по всем лагерям информацию гидрометеослужбы региона о неблагоприятных погодных прогнозах этой осени [8, л. 256].

Как справедливо замечал историк И.В. Говоров, изучавший послевоенную преступность на Северо-Западе РСФСР, для её проявления в 1940-е годы были как никогда самые благоприятные обстоятельства: масштабный дефицит товаров и продуктов и бессилие властей [13, с. 14–16]. А.З. Ваксер утверждал, что к исходу 1947 г. в регионе обнищание одних и сравнительное преуспевание других достигли апогея [14, с. 93]. В этих условиях выживать приходилось исключительно при опоре на собственные силы, проявляя недюжинные способности и смекалку. Там где в первые послевоенные годы производились, хранились и распределялись товары и продукты можно было без труда обнаружить мощное криминальное присутствие, давление и покушение. Не случайно один из обстоятельных исследователей этого периода деятельности правоохранительных органов Ленинграда и области историк и правовед М.Э. Жаркой утверждал о резком всплеске во второй пол. 40-х гг. хищений, спекуляций, сделок и махинаций с продуктами питания [15, с. 160–161].

Хищения продуктов питания действительно носили тотальный характер. Так, при разгрузке вагона с мукой 25 сентября 1945 г., прибывшего в адрес лаготделения № 4 из военно-продовольственного склада НКВД № 5

была обнаружена недостача 24 мешков муки. Железная дорога отказалась составлять соответствующий акт [8, л. 6]. Начальник транспортного отделения лагеря 157, пригнавший буксиром 21 июля 1946 г. машину ГАЗ-АА на рембазу ОУВС МВД СССР по Ленобласти, не смог договориться о её приеме и оставил машину на территории завода. Вернувшись за ней через три дня обнаружил, что от машины остался один остов. Она была полностью растащена [8, л. 194]. И это при острейшей нехватке грузовых машин в лагере 157, где за хозяйством их числилось всего 12.

Руководство лагеря 157 пыталось всемерно пресекать всякие попытки своих подчиненных расхищать продукты и товары, предназначенные для военнопленных. Например, воспользовавшись оперативной информацией на зав. столовую лагеря 157 Шарапову и диетсестру Якимову, систематически недовешивающих хлеб военнопленным в течение нескольких месяцев, начальник лагеря уволил Шарапову, а Якимову арестовал на 5 суток и разжаловал в рядовые [3, л. 220]. В конце ноября 1945 г. А.М. Юшманов обвинил начальника военно-хозяйственного довольствия лаготделения № 2 лейтенанта Бурчалова в том, что по его халатности военнопленным в течение месяца не додали: хлеба – 1100 кг.; муки соевой – свыше 175 кг.; мясных консервов – 202 кг. и сухого молока – 40 кг. [8, л. 5].

Особое внимание обращалось на лиц, отвечающих за хранение, учет и выдачу продуктов питания для военнопленных. В поле зрения руководства лагеря 157 периодически попадали заведующие складами лаготделений и персонал подсобных хозяйств. Так, осенью 1945 г. в оперативную разработку попал зав. подсобным хозяйством лагеря 157 А.П. Смирнов, который свободно обменивал на табак различные вещи военнопленных, присваивал овощи и другую продукцию [7, л. 188]. Арестованный, а затем и уволенный из органов МВД зав. продскладом лаготделения № 5 младший лейтенант В.М. Иванов только за один месяц 1945 г. (ноябрь. – *Авт.*) недодал военнопленным: 70 кг. муки, почти 43 кг. сахара, 25 кг. мяса и около 1 тыс. коробок спичек (на сумму 587 руб. по госценам. – *Авт.*) [8, л. 8]. Не случайно приказом по УЛВП № 157 с 15 января 1946 г. продсклад этого лаготделения ликвидировался и создавался Центральный продсклад при управлении лагеря, куда руководителем назначался проверенный и надежный офицер.

Та часть сотрудников, которая не имела допуска к хранению и рас-

пределению продуктов питания и товаров, но стремилась разрешить некоторые свои вопросы за счет военнопленных, делало это в процессе повседневного общения с ними. Рядовой охраны В.И. Трошев разгружая вагон с продовольствием для военнопленных украл около 2,5 кг. шпика и пытался вынести его [7, л. 223]. Вахтер А.С. Яицкий, будучи откомандированным с военнопленными в феврале 1946 г. на лесозаготовки присвоил себе их продукты и пьянствовал. Голодные пленники похитили у гражданки Бровиной в одной из деревень из ямы 500 кг. картофеля и съели его [8, л. 44]. Старший инспектор ширпотреба лагеря 157 Ф.И. Мещеряков в пошивочных и ремонтных мастерских лагеря размещал личные заказы на пошив одежды и ремонт обуви не оплачивая эти работы [8, л. 22].

Дежурный офицер лаготделения № 7 гв. лейтенант Н.И. Юрис ночью 19 января 1946 г. изъял и присвоил себе ручные часы военнопленного [8, л. 27]. В марте 1946 г. из органов МВД был уволен младший лейтенант А.И. Акимов, присвоивший себе гражданский костюм одного из военнопленных. Его подчиненный кладовщик-вахтер Тимошин в присутствии офицера также присвоил себе пальто, френч и брюки военнопленного, которые обязан был сохранять в целостности [8, л. 66]. Помощник начальника ПФС лаготделения № 1 старший лейтенант М.П. Лебедев во время этапирования в октябре 1946 г. группы военнопленных в один из лагерей Ленобласти изъял у них при обыске (законная процедура. – *Авт.*) около 20 наименований золотых изделий и драгоценных камней. Лебедев пытался их передать в фино УЛВП № 339, куда были доставлены пленники, но там отказались принимать их. Воспользовавшись ситуацией он подменил два перстня с камнями и одно золотое кольцо [8, л. 291]. Дежурный офицер лаготделения № 4 гв. капитан И.Ф. Буяновский обменял свои простые часы на золотые у военнопленного [8, л. 84, 104].

В апреле 1946 г. из органов МВД был уволен вахтер лаготделения № 8 сержант Боярчук который, как выяснилось, путем вымогательства присвоил себе ручные часы военнопленного Пиру и кожаные сапоги военнопленного Ворум, а также пытался за их счёт [8, л. 97]. Приказом по управлению лагеря 157 в начале марта 1945 г. была уволена и снята с работы санитарка Е.В. Шавина, которая выменяла у немецкого военнопленного золотое кольцо на курительный табак [7, л. 39]. В повседневной жизни лагеря 157 такие противоправные эпизоды были не редкостью, как и то, что при установле-

нии подобных фактов в отношении сотрудников их совершивших принимались административные меры. Чаще всего они увольнялись из органов.

В оперативной части (ОЧО) УЛВП № 157 скопилось немало агентурных и прочих материалов и на других сотрудников лагеря, которые хотя и не вступали в контакты с военнопленными и не покушались на лагерное имущество, но имели в то же время «личные тайны» и пагубные пороки, не совместимые по определению руководства со службой в системе УПВИ. Например, летом 1946 г. выяснилось, что переводчица ОЧО лагеря 157 советская немка Э.Х. Шнейдер будучи в отпуске на Урале пыталась незаконно, без ведома местной комендатуры, вывезти оттуда своего родного 13-летнего брата Рихарда – спецпереселенца, репатриированного туда в начале войны с родителями. Она была задержана в Свердловской области. Брата выдала за своего сына. Уже в Бокситогорске в ходе служебной проверки Эмилия описала все "ужасы" жизни спецпереселенцев на Урале, где так и остались её родители Христиан и Екатерина Шнейдеры [16].

Дольше двух-трех лет нигде не задерживался, переведенный в лагерь 157 из УНКВД СССР по Вологодской области И.И. Розенфельд. Везде характеризовался как ленивый, безынициативный работник. Уже на новом месте в Ленинградской области придумал себе «историю болезни» (хроническая малярия), упоминая во всех рапортах, что «...жить ему в болотистых местах нельзя», и, что его следует перевести на юг страны. В лагере 157 выяснилось, что он, зная о своей тете и бабушке, проживавших в США, скрыл этот факт от органов госбезопасности [17]. Как «никудышный работник» оценивался летом 1946 г. переводчик, а впоследствии инструктор по антифашистской работе лагеря 157 Г.Ф. Чапек, немец чешского происхождения, проживавший в СССР с 1939 г. [18].

Особенно тщательно расследовались обстоятельства личных контактов и связей женщин – сотрудников лагеря 157 с немецкими и венгерскими военнопленными. В ряде эпизодов эти отношения носили довольно личный характер. Иногда в «разборки» (преимущественно женские. – *Авт.*) втягивался почти весь персонал лаготделений, а иногда и местного населенного пункта. Так, не осталась без внимания счетовод транспортного отдела лагеря 157 Е.И. Петрова, «вступившая летом 1946 г. в недозволенные взаимоотношения с военнопленным шофером Штазик...», укравшим около дер. Ларьян 3 куб. м. дров для неё и доставивших их в дер. Крутик,

где она проживала [8, л. 156]. В марте 1945 г. оперчасть лагеря проинформировала руководство о том, что медсестра лагерного лазарета А.Я. Юшина сожительствоует с немецким военнопленным [7, л. 60 об.].

По подозрению в аналогичных связях из органов были уволены с весны 1944 г. Н. Бухарестская, М. Савичева, В. Кольцова, А. Пономарева и некоторые другие [19, с. 512]. У этих женщин в отличие от официальных заключений были свои истории и они не всегда связывались с их легкомыслием и алчностью. В некоторых из них содержались пусть весьма сдержанные, но довольно трогательные рассказы о внимательном, бережном и участливом, хотя и временном, союзе равнодушных друг к другу людей. У части этих и других обличаемых женщин были действительно нелегкие судьбы. Многие из них вели замкнутый и одинокий образ жизни. По их оценкам, большинство мужчин – сотрудников лагеря находились постоянно на службе и работе или беспробудно пьянствовали...

Хотя частично описанные нами «действующие лица» разительно отличались друг от друга и пребывали в разных «средах», их тем не менее объединяло на наш взгляд желание выжить и стабилизировать полностью разбалансированное сознание, переключиться на новый алгоритм жизни. Для советских граждан, ежедневно контактирующих с иностранными военнопленными война не закончилась в обычном её понимании. Судя по исследуемым материалам еще долго и довольно непросто будет происходить «освобождение от войны» сознания людей, втянутых в её гигантскую среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иванов В.А.** Военнопленные на Северо-Западе РСФСР в восстановительный период (1944–1949 гг.) / Проблемы воспитания патриотизма у молодежи и современность. Материалы научных докладов международной науч.-практ. конф. (22–23 сентября 1995 г.). – СПб.: СПб ВВКУ ВВ МВД России, 1995.
- 2. Колошинская Н.В.** Обеспечение правового режима содержания немецких военнопленных на территории Ленинграда и Ленинградской области во II половине 40-х годов (историко-правовой аспект): автореф. дис. ...канд. юр. наук. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2002.
- 3.** Отдел архивной информации Информационного Центра Главного управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области). Ф. 26. Оп. 2. Д. 1.
- 4.** ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1; **Ходяков М.В.** Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. / Россия в XX веке:

проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. – СПб., 2008.

5. Ходяков М.В. Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944-1949 гг. / Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. – СПб., 2008.

6. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: отчетно-информационные документы / Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2005.

7. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 3.

8. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 4.

9. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000.

10. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951. С. 99.

11. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 5.

12. Ходяков М.В. Побег иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 228-249.

13. Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.

14. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. – СПб.: Изд-во ОСТОВ, 2005. С. 93.

15. Жаркой М.Э. Милиция Ленинграда в механизме реализации карательной политики послевоенных лет (1945–1957 гг.). Исторические уроки деятельности. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2004. С. 160-161.

16. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Арх. № 101575. Личное дело Шнейдер Э.Х.

17. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Арх. № 73935. Личное дело Розенфельд И.И.

18. Иванов В.А., Колошинская Н.В. Военный плен и особенности его регулирования во второй половине 1940-х годов: региональный аспект: Монография / Под науч. ред. проф. Мячина А.Н. – СПб.: РИО СПб филиала РТА, 2014.

19. Иванов В.А., Колошинская Н.В. МВД и немецкие военнопленные в восстановительный период (1945–1949 гг.): ленинградский опыт / Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.